

И ныне ходят слух —
Его де с Луврской кружки,
Попав нежданно в случай,
Заморский сбля петух.

Однажды дю Мутье, художник, о котором речь впереди, застал г-на де Бельгарда в самом дурном настроении: он одевался и никак не мог найти желтой ленты в коробке, которую велел себе принести. «Вот они, всех цветов! — воскликнул он. — Нет только той, какая мне дужла сегодня. Ну не несчастный ли я человек? Никогда не могу найти то, что мне надобно». Г-жа де Рамбуи, которой рассказали об этом случае, заметила, что, судя по всему, Бельгарду это передалось от Генриха III, о котором г-н Берто, поэт, состоявший в ту пору королевским чтецом, а впоследствии епископ Сейский, говорил примерно то же самое. «Однажды, после полудня, — рассказывал он, — Генрих III лежал у себя на постели, с довольно грустным видом рассматривая изображение Богоматери в Часослове, переплет которого ему не нравился; а были другие Часословы, куда ему хотелось бы это изображение поместить. „Берто, — обратился он ко мне, — как бы нам переклеить эту Богоматерь в другой Часослов? Вырежи ее!“. Я трепеща взял ножницы и мысленно призвал на помощь всю свою ловкость и умение; однако, в двух-трех местах все же получилось неровно. „Ах! — воскликнул Король, — бедная моя картинка! Этот увалень мне ее испортил! Экий нескладный! И кто только мне его прислал?“. Чего он тут с досады не наговорил! Появляется г-н де Жуайез, Король пеняет ему на Берто: Берто ни на что не годен, его утопить мало. «И тут как раз, — добавляет г-н Берто, — прибывает посланник. — „До чего же неспоен этот посланник! — воскликнул Король. — Вещо он некстати! Все же дайте мне мою мантию“. И он проследовал в аудиенц-зал. Вы бы сказали, что это какой-то бог: столько в нем было величия. Отсюда можно заключить, что государь сей был по природе своей слаб и внешнеж, но в определенных случаях умел себя превозмочь. Он был щедр и шел на траты всегда охотно». Все тот же Берто явился к нему как-то на прием; но хотя, на его собственный взгляд, он был разодет весьма пышно, Король сокрушенно сказал: «Берто, ну как вы одеты? Сколь велико ваше содержание?». — «Такое-то, государь». — «Я вам его удвою, но извольте одеваться лучше».

По пути на Сен-Жерменскую ярмарку Генрих III заметил спящего юношу; в ту пору в одном из приходов освободилась довольно выгодная должность настоятеля и многие лица паперерыв добивались ее. «Я хочу отдать ее этому мальчику, — сказал Король, — пусть хвалится, что счастье ему во сне привалило». Юному звали Бенуаз; * Король привалился к нему и назначил секретарем своего кабинета. На Бенуазе

* От него пошли парижские Бенуазы.